

RU

Лингвистические особенности выражения гендерных стереотипов в политической коммуникации (на примере публичных выступлений представителей британского и американского истеблишмента)

Станчуляк Т. Г., Жукова А. И.

Аннотация. Статья отражает результаты лингвистического исследования, посвящённого изучению взаимосвязи интенций политического дискурса и языковых средств, используемых для их реализации представителями мужского и женского гендеров. Целью исследования являлось установление соответствий между языковыми средствами, характерными для представителей того или иного гендера, и функциями политического дискурса, способствующими реализации его ключевой интенции – обретению политической власти. Научная новизна данного исследования состоит в том, что оно рассматривает взаимообусловленность гендерных стереотипов и языковых способов репрезентации интенций политического дискурса. В результате исследования были установлены гендерные различия в способах языковой репрезентации политических интенций у представителей британского и американского истеблишмента, имеющие место на разных языковых уровнях.

EN

Linguistic Features of Expressing Gender Stereotypes in Political Communication (by the Example of Public Speech of British and American Establishment Representatives)

Stanchuliak T. G., Zhukova A. I.

Abstract. The article reflects the results of the linguistic research devoted to the studies of the interconnection between the intentions of political discourse and language means used by male and female gender representatives to realize them. The paper aims to reveal the relationship between language means typical for representatives of each gender and functions of political discourse contributing to the realization of its key intention – to obtain political power. The scientific originality of the research lies in the fact that it considers the interdependence of gender stereotypes and language means of representation of political discourse intentions. As a result, the study has identified the gender differences in the means of language representation of political intentions of British and American establishment representatives occurring at different language levels.

Введение

Актуальность данной работы объясняется тем, что современному языкознанию в целом свойственен антропоцентрический подход, акцентирующий внимание на категории языковой личности, учитывающей национальные, возрастные, гендерные и иные параметры, влияющие на выбор и формы реализации речевых стратегий и языковых средств. Что касается гендерных исследований, то интерес к способам манифестации гендера в политическом дискурсе растёт, в том числе в связи с тем, что на мировой арене все чаще представляется возможным встретить представительниц женского пола, задача которых заключается в эффективной реализации интенций политической коммуникации языковыми средствами. Быть мужчиной или женщиной в обществе – это не только биологическая данность, но и отражение общественно принятого гендерного, в том числе речевого, поведения.

Для достижения поставленной в исследовании цели были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть основные функции, характерные для политической коммуникации;
- выделить основные языковые средства, которыми оперируют политические деятели в ходе официальных выступлений;
- установить соответствие между лингвистическими средствами, характерными для женского и мужского речевого поведения, и интенциями политического дискурса.

Теоретическую базу данного исследования составляют труды зарубежных и российских ученых: Дж. Коатс (2005), Д. Таннен (2005), А. В. Кирилиной (1999) и ряда других авторов, работы которых охватывают проблемы взаимоотношения языка, культуры и гендера. Одним из важных утверждений, являющимся отправной точкой настоящего исследования, является, в частности, мнение авторов, что языковых форм, присущих только одному полу, не существует, но есть тенденция к предпочтению определенных форм мужчинами и женщинами. Изучение вопросов функционирования политического дискурса проводилось на материале работ В. И. Шаховского (1998), Е. И. Шейгал (2000), А. П. Чудинова (2003) и др., определяющих цель любой политической коммуникации как борьбу за власть, рассматривающих язык как исполнительный орган политической власти и изучающих различные индивидуальные проявления языковой личности политических фигур.

Основополагающими методами анализа и представления результатов исследования стали: описательный, сопоставительный, оппозиционный, лингвистический, критический дискурс-анализ.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в его актуальности с точки зрения подхода к проблеме соотношения языка и гендера. Полученные результаты представляют собой научный интерес для исследования в таких областях современной лингвистики, как социолингвистика, психолингвистика, гендерная лингвистика и когнитивистика, а также для специалистов, занимающихся исследованием политических текстов.

Практическая значимость данной темы подтверждается широким применением результатов лингвистических исследований, связанных с изучением гендера, в таких областях, как судебная лингвистическая экспертиза, реклама, переводоведение. Материалы исследования могут быть использованы в качестве лекций по курсам общего языкознания, социолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации.

Основная часть

Политический дискурс представляет собой один из частных видов дискурса как общего базисного понятия. Он выделяется в отдельную категорию в связи с тем, что обладает отличительными функциями и рассматривается в рамках особого социального контекста. Основную интенцию политического дискурса представляет собой борьба за власть, реализуемая путем различных стратегий, связанных с убеждением адресата и побуждением его к действию. Иначе говоря, основная цель политической коммуникации (борьба за власть) создаёт условия для реализации различных стратегий языкового манипулирования.

Среди наиболее распространённых функций политической коммуникации выделяются следующие:

- регулятивная функция, результатом которой является побуждение адресата к действию;
- функция социального контроля, реализуемая путем унификации общественного сознания;
- функция воспроизводства власти, укрепляющая приверженность действующим властям;
- ориентационная функция, призванная формулировать политическую картину мира в сознании членов социума;
- агональная функция, служащая для манифестации протеста против действий центрального аппарата власти;
- информационная функция, действие которой основано на том, что народные массы, как правило, не контактируют с аппаратом государственного управления напрямую, вся информация о политической составляющей доходит до них в том виде, который является желаемым для властей (Esaulova, Reali, Stockhausen, 2014);
- функция референции, обусловленная взаимосвязью языка, мышления и реалий, в рамках которых конструируется и взаимодействует общество. Иначе говоря, создание определённого смыслового и эмоционального ореола вокруг слова способствует установлению идеологии, формированию общественных приоритетов и ценностей (Мечковская, 1996).

Говоря о гендерных различиях в целом, стоит отметить, что они формируются и закрепляются в сознании членов общества под влиянием гендерных стереотипов (Бастрикова, 2004).

Становясь одним из параметров дискурса, гендер способствует формированию и закреплению определённого стереотипа, задающего норму поведения и речи для представителей того или иного гендера (Грошев, 2000). Не вызывает сомнения тот факт, что политический дискурс в сознании членов общества более характерен для представителей мужского гендера, поэтому, придерживаясь определенных эталонов, созданных под влиянием гендерных стереотипов, индивиды конструируют вполне ожидаемые гендерные противопоставления. Такие различия в стереотипных представлениях о мужском и женском поведении влияют на восприятие одной и той же информации или формы ее представления в зависимости от гендера говорящего, в результате чего одни и те же речевые факты могут оцениваться по-разному (Кирилина, 1999).

При изучении речевого поведения индивидов ученые признают гендер параметром, проявляющимся с разной степенью интенсивности вплоть до полного его исчезновения. На степень проявления гендерного параметра и на выбор языковых средств глубокое воздействие может оказывать тип дискурса, в рамках которого разворачивается коммуникативная ситуация.

В связи с тем, что политический дискурс предполагает проявление широкого спектра эмоций, мы предположили, что именно в рамках этого типа дискурса на фоне эмоционального подъема речевые характеристики будут представлены наиболее ярко. Таким образом, и гендерные особенности найдут свое отражение в речи. При этом мы не исключали и того, что под влиянием профессиональной деятельности и официальной обстановки гендерные речевые особенности могут нивелироваться или свестись к минимуму. Несмотря на это, сопоставление результатов анализа мужской и женской речи в рамках политического дискурса позволит выявить гендерные особенности в употреблении языковых единиц при реализации интенций политического дискурса.

Для проведения лингвистического и дискурс-анализа был выбран следующий языковой материал: первая речь Терезы Мэй на собрании Консервативной партии (Theresa May's Conservative party..., 2018), выступление Терезы Мэй по поводу будущих взаимоотношений Евросоюза и Великобритании (In full: Theresa May's speech..., 2018); выступления Бориса Джонсона по поводу выхода Великобритании из Европейского Союза (Boris Johnson's Torg..., 2018; Uniting for a Great Brexit..., 2018), обращение спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси к нации с объявлением официального расследования импичмента президента Дональда Трампа (Nancy Pelosi's public and private remarks..., 2019), заключительная речь Хиллари Клинтон на президентских выборах 2016 года (Hillary Clinton's concession speech..., 2016), полный текст торжественной речи Дональда Трампа (The full text of Donald Trump's..., 2016). Общий объем транскрибированного материала видеозаписей, использованного для данного исследования, составил около 30 тысяч слов, приблизительно в равной степени представляющих речь каждого из выбранных для анализа политических деятелей.

Для обработки представленного выше материала был применен критический дискурс-анализ в связи с тем, что именно этот способ анализа текстовых массивов ориентирован на рассмотрение лингвистических особенностей политических процессов. Немаловажным аспектом является направленность выбранного метода на выявление взаимосвязи между языковыми особенностями и функциональной составляющей политического дискурса. Более того, при анализе скриптов устной речи необходимо учитывать социальный контекст, ситуацию общения и статус авторов сообщения, иначе говоря, выбранный метод анализа позволит произвести детализированную интерпретацию полученных данных и должен учесть экстралингвистические особенности (Тичер, Мейер, 2009).

Проведенный дискурс-анализ установил, что в процессе политической коммуникации представители и женского, и мужского гендера применяют широкий спектр языковых средств, характерных для стереотипного образа, как женственности, так и мужественности.

В ходе политических выступлений речь женщин сохраняет такие стереотипные характеристики женского речевого поведения, как: высокий уровень экспрессивности, смягчение категоричных суждений при помощи модальных глаголов, демонстрация сочувствия и понимания, направленность на кооперативность, четкая последовательность и логичность изложения мысли.

Например, использование риторических вопросов позволяет политику-женщине установить прямой контакт с широкой аудиторией, а также создать эффект личного диалога с каждым из адресатов сообщения, показать близость к народу, полное понимание тем, беспокоящих членов общества:

What greater freedom than to live your life never having to worry about whether you can afford the treatment you need (Theresa May's Conservative party..., 2018)? / Насколько же легче жить, когда не нужно беспокоиться о том, можете ли вы позволить себе необходимое лечение (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Т. С., А. Ж.).

Вместе с тем риторические вопросы позволяют политику сформировать желаемую картину ценностей у получателей сообщения, таким образом реализуя ориентационную функцию политической коммуникации.

Важной особенностью, соответствующей стереотипам о женской речи, являются метафоры:

Our future is in our hands (In full: Theresa May's speech..., 2018). / Наше будущее в наших руках.

В то же время в речи женщин-политиков можно встретить языковые черты, в большей степени соответствующие стереотипному представлению о мужском дискурсе. Данная особенность объясняется тем, что основная задача спикера вне зависимости от его гендерной принадлежности состоит в реализации системообразующей интенции политического дискурса, заключающейся в борьбе за власть, что в большей степени соответствует мужскому стилю общения. Так, например, использование идиом не является характерным для женской речи. Поэтому когда Тереза Мэй употребляет в своём выступлении фразеологический оборот, то она предстаёт перед аудиторией как решительный политический деятель, способный взять на себя все заявленные обязательства, иными словами, конструирует образ, более характерный для представителей мужского гендера:

Twice in a century, Britain came together to beat the odds and build a better future (Theresa May's Conservative party..., 2018). / Дважды за столетие Британия объединялась, чтобы преодолеть трудности и построить лучшее будущее.

В ходе анализа женской речи было также установлено, что американские политики апеллируют к более разнообразным языковым средствам, чем их британские коллеги, обогащая свои выступления речевыми приемами, более характерными для мужского стиля общения. Так, например, женские представители американских правящих кругов обращаются как к конструкциям с местоимением "we", так и "I", в отличие от британского политика, избегающего применения личного местоимения "I", более способствующего формированию мужественного образа. Сравним высказывания Т. Мэй с высказываниями её американских коллег:

We will do it by lowering the age at which we screen for bowel cancer (In full: Theresa May's speech..., 2018)... / Мы реализуем это путём снижения возраста, с которого мы проводим скрининг на рак кишечника...

I hope you will hear this — I have spent my entire life fighting for what I believe in (Hillary Clinton's concession speech full transcript..., 2016). / Я надеюсь, вы услышите это – я провела всю свою жизнь, борясь за то, во что я верю.

...we proceeded with balance and caution as we wrote the laws (Nancy Pelosi's public and private..., 2019). / ...мы действовали взвешенно и осторожно, когда писали законы.

Очевидно, что американские спикеры балансируют между «сильным» образом политика, готового брать на себя ответственность и выражать свое личное мнение, что типично для представителей мужского гендера, и более женственным подходом, направленным на объединение политических взглядов и дальнейшее сотрудничество. Следовательно, для реализации функций социального контроля и воспроизводства власти американские

женщины-политики применяют личное местоимение в единственном числе, а для исполнения ориентационной функции – обобщающее “we”.

Выступления британских и американских женщин-политиков репрезентируют большое количество эпитетов, повышающих эмоциональный посыл спикера к аудитории. Однако при этом американские женщины-политики чаще используют эпитеты в превосходной степени, что приближает их речь к представителям мужского гендера:

We are now approaching a crucial moment (Theresa May’s Conservative party..., 2018). / *Сейчас мы приближаемся к решающему моменту.*

...in the darkest days of the American Revolution... (Nancy Pelosi’s public and private..., 2019). / *...в самые мрачные дни Американской революции...*

В связи с тем, что выступления представительниц женского гендера изобилуют пассивными конструкциями, можно сделать вывод, что эвфемизация в женской политической речи проявляется в большей степени именно на уровне синтаксиса.

...not find ourselves back at the negotiating table because the relationships have been broken down (In full: Theresa May’s speech..., 2018). / *...не окажемся снова за столом переговоров, потому что отношения были разрушены.*

Синтаксические эвфемизмы позволяют избежать указания на конкретного инициатора действия: они одновременно снимают ответственность с автора сообщения, не признающего своего причастия к последствиям принятия того или решения, но и не обвиняют напрямую других участников действия. Следовательно, эвфемизмы в речи женщины-политика способствуют реализации функции референции.

Рассматривая случаи применения модальных глаголов в выступлениях женщин-политиков, мы обнаружили все разнообразие данных лексических единиц, поэтому стоит выделить те модальные глаголы, употребление которых оказалось наиболее частотными: в первую очередь это глаголы “will” и “would”, являющиеся «сильными» в рамках политического дискурса и характерными для стереотипа мужской речи.

In Liverpool last week, all Labour offered were bogus solutions that would make things worse (Theresa May’s Conservative party..., 2018). / *На прошлой неделе в Ливерпуле все предложения рабочей силы были фиктивными решениями, которые могли бы ухудшить ситуацию.*

Очевидно, что для реализации агональной функции женщина-политик обращается к модальному глаголу “would”, критикуя предложение Лейбористской партии.

Применение модального глагола “will” демонстрирует твердые намерения:

But I will always remember the warmth I felt from everyone in the hall (In full: Theresa May’s speech..., 2018). / *Но я всегда буду помнить тепло, которое я чувствовала в зале.*

Встречаемость «слабого» модального глагола “should” в несколько раз превалирует над случаями употребления глагола “must” в британской женской политической речи, что свидетельствует о стремлении автора сообщения сохранить «мягкий» женственный образ.

But with freedom should always come responsibility (Theresa May’s Conservative party..., 2018). / *Но со свободой всегда должна приходиться ответственность.*

Стоит отметить, что в рамке данных контекстов этот модальный глагол не ослабляет позицию говорящего, а способствует осуществлению реализации регулятивной и ориентационной функций путем применения «мягкой силы».

Однако модальные глаголы “would” и “should”, типичные для речи британских политиков, практически отсутствуют в выступлениях Пелоси и Клинтон. В противоположность этому в их высказываниях широко распространён глагол “must”:

We must accept this result and then look to the future (Hillary Clinton’s concession speech..., 2016). / *Мы должны принять этот результат, а затем смотреть в будущее.*

При этом “must” в их выступлениях призван не регламентировать ту или иную деятельность, а побуждать к ней, выполняя тем самым инспиративную функцию.

Женщины-политики используют широкий спектр синтаксических конструкций, предпочитая акцентировать внимание на желательной информации с помощью повторов и изменения грамматической структуры фраз. Например, часто встречается в женских выступлениях такой синтаксический троп, как анафора:

The action of the Trump presidency revealed a dishonorable fact of the President’s betrayal of his oath of office, betrayal of our national security and betrayal of the integrity of our elections (Nancy Pelosi’s public and private..., 2019). / *Действия президента Трампа выявили позорный факт предательства президентом своей присяги, предательства нашей национальной безопасности и предательства целостности наших выборов.*

Как видно, в предложении, репрезентирующем отрицательное отношение к действиям Трампа, представлено объединение анафоры и градации, что демонстрирует проявление агональной функции при помощи постепенного наращивания негативной оценки к представителю действующей власти.

Другим синтаксическим тропом является анадиплосис, в большей степени характерный для дискурса художественной литературы и рекламы, однако также применяемый в рамках политических текстов для перемещения внимания членов общества на актуальную для спикера тему.

Last Tuesday was Constitution Day. Constitution Day, the day we observe and honor our Constitution (Nancy Pelosi’s public and private..., 2019). / *В прошлый вторник был День Конституции. День Конституции, день, когда мы соблюдаем и чтим нашу Конституцию.*

Данные примеры наглядно показывают то, как реализуется реферативная функция политической коммуникации. С помощью контактного повтора не просто подчеркивается смысл высказывания, а закрепляется именно повторяющаяся фраза, оказывающаяся и темой, и ремой одного семантического единства.

Политический дискурс, представленный мужским гендером, обнаруживает «сильные» речевые конструкции, направленные на конструирование образа надежного, мужественного политического деятеля, способного повести за собой и брать ответственность за принятые решения. Для усиления эмоционального посыла мужчина-политик может выступать в роли агрессора, что положительно воспринимается обществом и оправдывает его ожидания.

Так, анализ употребления модальных глаголов в выступлениях мужчин-политиков установил, что модальный глагол “can” является наиболее частотным, отображая высокую степень уверенности автора сообщения в совершении того или иного действия.

If we get this right, it can be win-win for both sides of the Channel (Boris Johnson’s Tory..., 2018). / *Если мы все сделаем правильно, это может быть выигрышным для обеих сторон.*

Учитывая тот факт, что в рамках политического дискурса в подготовленной речи эмоции, как правило, манифестируются преднамеренно для удовлетворения ожиданий общества и передачи эмоционального состояния адресатам сообщения, можно сделать вывод, что данный модальный глагол способствует выполнению регулятивной функции, убеждая и передавая слушающим эмоции и точку зрения спикера.

Модальный глагол “must” является «сильным» глаголом, выражающим обязательство или долженствование, поэтому фразы, содержащие данную лексическую единицу, призваны эксплицитно убеждать в правдивости предоставляемой информации.

Политик, апеллирующий к указанному модальному глаголу, демонстрирует твердость намерений и готовность взять на себя всю ответственность за принятое решение – подобные примеры формируют основу стереотипов мужественного образа.

We cannot allow it to happen. We must not allow it to happen (Uniting for a Great Brexit..., 2018). / *Мы не можем позволить этому случиться. Мы не должны допустить, чтобы это произошло.*

Представленный фрагмент выступления репрезентирует употребление двух «сильных» модальных глаголов в рамках единого синтаксического единства, созданного при помощи параллелизма. Такое объединение нескольких стилистических приемов в одной фразе призвано побудить к действию народные массы, иначе говоря, регулировать настроения общества.

Множественное повторение мужчинами-политиками личного местоимения в форме первого лица единственного числа даже на коротких отрезках речи способствует реализации функции воспроизводства власти. Политики-мужчины эксплицитно сообщают о своих желаниях и намерениях, побуждая общественность присоединиться к полному решимости, уверенному в своих словах и действиях государственных деятелях.

I don’t want to mess around with them, I can tell you. And then I want to go and wave to a big group of people (The full text of Donald Trump’s..., 2016). / *Я не хочу связываться с ними, могу вам сказать. А затем я хочу пойти и помахать большой группе людей.*

Поскольку фразовые глаголы имитируют речь представителей рабочего класса и создают образ бытовой коммуникации, то их активное употребление демонстрирует желание властей объединиться с народом, разделить их проблемы и взгляды, что реализует ориентационную функцию.

Let’s crack down on land-banker (Boris Johnson’s Tory..., 2018). / *Давайте расправимся с земельной собственностью.*

Большое количество и разнообразие эпитетов свидетельствует об уровне эмоциональности политика, желающего воодушевить общество и продемонстрировать личный интерес к проблемам социума, что способствует реализации инспиративной функции:

It is not my way to confide my innermost fears. But since this is only a fringe meeting, unlikely to be widely reported, I will reveal that I have one overriding anxiety about (Boris Johnson’s Tory..., 2018)... / *Не в моих правилах делиться своими самыми сокровенными страхами. Но поскольку это всего лишь малозначимая встреча, о которой вряд ли будет широко известно, я расскажу, что у меня есть одна большая тревога по поводу...*

Обращаясь к морфологическому уровню, важно акцентировать внимание на применении личного местоимения «I», в связи с высокой частотностью его употребления.

I want to show you today that Brexit (Boris Johnson’s Tory..., 2018)... / *Я хочу показать вам сегодня, что Brexit...*

Данные речевые конструкции, характерные для агрессивного речевого поведения и подчеркнута уверенной манеры изложения собственной позиции по определенному вопросу выполняют функцию привлечения внимания к интересующей адресата тематике.

Необходимо отметить высокую частотность встречаемости суффиксов прилагательных в превосходной степени, что свидетельствует не только о силе эмоционального посыла, но и о категоричности высказываемых суждений. Следовательно, данный языковой прием способствует осуществлению основной цели политического дискурса – борьбы за власть путем реализации инспиративной функции:

Sixth most powerful economies in the world, separated by (Boris Johnson’s Tory..., 2018)... / *Шестая по величине экономика в мире, разделенная...*

Дисфемизмы являются одним из основных языковых средств, формирующих стереотипное представление о мужском речевом поведении. Обращение к дисфемизмам ведёт, как правило, к резким негативным высказываниям в адрес той или иной личности или организации, формируя в сознании членов общества отрицательный образ денотата.

It's not even the economic and political catastrophe that would befall us in the event of a Corbyn government – horrifying though I find that idea (Boris Johnson's Tory..., 2018). / *Не только экономическая и политическая катастрофа постигла бы нас в случае правительства Корбина, и я нахожу эту идею ужасающей.*

Очевидно то, что дисфемизмы способствуют реализации агональной языковой функции: политик-мужчина предрекает катастрофическое положение для всей страны в случае вероятности правления оппозиционного теневого правительства Великобритании.

Следует отметить, что в ходе анализа «мужских» материалов был выявлен ряд речевых особенностей, характерных как для женского, так и для мужского типа дискурса. Однако частота употребления конструкций, составляющих основу стереотипного мужского речевого поведения, ожидаемо преобладала над чертами, которые в большей степени ассоциируются с женской речью.

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

- политические выступления представителей мужского и женского гендеров включают разные наборы речевых конструкций и языковых средств;
- мужчины чаще применяют лексические средства для реализации функций политического дискурса, а женщины предпочитают варьировать грамматическую структуру синтаксических единств;
- используя одинаковые лексические средства, мужчины и женщины-политики, тем не менее, реализуют разные интенции политического дискурса для достижения основной функции – борьбы за власть;
- речь американских женщин-политиков репрезентирует более разнообразные языковые средства, включая приемы, характерные для мужского стиля общения, чем выступления их британских коллег;
- вариативность языковых средств в политических выступлениях представителей мужского гендера не зависит от культурной принадлежности спикера.

В целом можно сказать, что перед исследователями стоит еще множество задач, например: вопрос об ограничении, которое накладывает гендерный фактор на употребление языковых единиц, и о том, какой характер носит данное ограничение; какие семиотические системы наряду с языком участвуют в создании гендерной идентичности и как они взаимодействуют; как меняется конструирование гендера в диахронии. Дальнейшее развитие гендерных исследований связано со структурированием вопросов, лежащих в сфере данного научного направления.

Источники | References

1. Бастрикова Е. М. Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен // Русская сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004.
2. Грошев И. В. Рекламные технологии тендер // Общественные науки и современность. 2000. № 4.
3. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
4. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык: антология / сост. А. В. Кирилина. М.: МГЛУ, 2005.
5. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык: антология / сост. А. В. Кирилина. М.: МГЛУ, 2005.
7. Тичер С., Мейер М. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учебное пособие. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.
9. Шаховский В. И. Эмоции в деловом общении: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 1998.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград: Перемена, 2000.
11. Boris Johnson's Tory fringe speech. 2018. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2018/10/full-text-boris-johnsons-tory-fringe-speech/>
12. Esaulova Y., Reali C., Stockhausen L. von. Influences of grammatical and stereotypical gender during reading: eye movements in pronominal and noun phrase anaphor resolution // Language, Cognition and Neuroscience. 2014. Vol. 29 (7).
13. Hillary Clinton's concession speech full transcript: 2016 presidential election. Vox. 2016. URL: <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election>
14. In full: Theresa May's speech on future UK-EU relations. 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183>
15. Nancy Pelosi's public and private remarks on Trump impeachment. 2019. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/trump-impeachment-inquiry/transcript-nancy-pelosi-s-speech-trump-impeachment-n1058351>
16. The full text of Donald Trump's victory speech. 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech/index.html>
17. Theresa May's Conservative party conference speech. 2018. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2018/10/03/theresa-mays-conservative-party-conference-speech-full-transcript/>
18. Uniting for a Great Brexit: Foreign Secretary's speech. 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-speech-uniting-for-a-great-brexite>

Информация об авторах | Author information

RU

Станчуляк Татьяна Геннадьевна¹, к. филол. н.
Жукова Александра Игоревна²

^{1,2} Российский университет дружбы народов, г. Москва

EN

Stanchuliak Tatiana Gennadievna¹, PhD
Zhukova Alexandra Igorevna²

^{1,2} RUDN University, Moscow

¹ stanchulyak-tg@rudn.ru, ² 1032186135@rudn.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): гендер; гендерный стереотип; политический дискурс; функции политической коммуникации; gender; gender stereotype; political discourse; functions of political communication.